ЦЕСАРЕВИЧЪ НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ ЗЪ ПЕТРОЗАВОДСКѢ *).

1863.

Сватьба пристроена, меды изварены, невѣста приведена, князи познаны. И бысть, въ веселія мѣсто, плачь и сѣтованіе за грѣхи наши. (Новгородск. 1-я Лѣтопись, стр 49).

Въ ночь на 14 е Іюня весь городъ не спалъ. Я въ третьемъ часу ночи былъ на пристани и, придя домой, едва заснулъ, какъ раздавшійся по городу звонъ разбудилъ меня. На утро Наслѣдникъ посѣтилъ соборъ, принималъ представленія, а мы, собравшись въ гимназической залѣ, получили извѣстіе, что въ первомъ часу пополудни онъ посѣтитъ насъ.

Напряженное ожиданіе смѣнилось нѣкоторымъ смущеніемъ, когда подъѣхалъ Наслѣдникъ къ крыльцу гимназіи. Все притихло. И вотъ вошелъ онъ. Дѣти дружно запѣли: «Спаси, Господи, люди Твоя». Одна сторона залы занята была небольшою кучкою нашихъ гимназистовъ, по другой — стояли мы, служащіе. Актъ былъ приберегъ къ этому дню. Наслѣднику угодно было самому раздавать награды. Пока продолжалась раздача наградъ, намъ очень удобно было всматриваться въ Цесаревича и изучать его физіономію. Меня съ перваго взгляда поразили въ немъ мягкость и нѣкотораго рода застѣнчивость, которая такъ обаятельна въ его возрастѣ. Не знаю, на сколько это вѣрно на чужой глазъ; но мнѣ онъ живо напомнилъ Государыню, мать свою: ее удалось мнѣ видѣть на очень близкомъ разстояніи въ Курскѣ (въ 1861 году).

Послѣ раздачи наградъ, во время которой Наслѣдникъ интересовался каждымъ награждаемымъ, я былъ представленъ въ числѣ про-

---

*) Статья эта появилась первоначально въ „Семейныхъ Вечерахъ“ отъ 15 Мая 1865 года, откуда мы ее заимствуемъ съ позволенія многоуважаемаго автора нынѣ г-на попечителя Харьковскаго учебнаго округа), какъ дополненіе къ „Воспоминаніямъ Ѳ. А. Оома“. П. Б.

чихъ Его Высочеству. Потомъ Наслѣдникъ прошелъ въ другую комнату, гдѣ было собрано уѣздное училище; онъ долго былъ тамъ, раздавая награды, и о многомъ распрашпвалъ директора. Когда Наслѣдникъ пошелъ осматривать библіотеку, кабинеты и проч., мы, учителя послѣдовали за нимъ. Онъ тутъ же потребовалъ, чтобы гимназисты шли въ слѣдъ, и веселая, оживленная толпа дѣтей, которымъ Цесаревичъ предъ тѣмъ сказалъ привѣтливое слово, присоединилась къ намъ. При обзорѣ библіотеки и кабинетовъ, Цесаревичъ обратился къ нѣкоторымъ изъ насъ съ вопросами. Меня спросилъ онъ о томъ, что̀ именно проходится по Русской словесности въ каждомъ изъ четырехъ старшихъ классовъ гимназіи. При обозрѣніи зоологическихъ аппаратовъ, у Наслѣдника явилось желаніе подѣлиться съ нашей гимназіею учебными пособіями изъ своего собственнаго кабинета: въ Февралѣ 1864 года гимназія Петрозаводска получила отъ Наслѣдника дорогой препаратъ доктора Озу (полный организмъ человѣка изъ папье-маше)

Изъ нашей гимназіи мы прошли въ женское училище. Тамъ я стоялъ снова близъ Наслѣдника и думалъ, что врядъ ли мнѣ придется еще разъ видѣть его такъ близко. Однако въ тотъ же день мнѣ пришлось видѣть его очень близко въ общественномъ саду; тамъ было много народу. Гуляя посреди толпы, Великій Князь быстро перемѣнялъ направленіе, и толпа бросалась въ слѣдъ за нимъ съ оглушительнымъ крикомъ: «ура». Этотъ маневръ былъ весьма оригиналенъ; Цесаревичъ смѣялся отъ души и о чемъ-то весело разговаривалъ съ дамою, хозяйкою города.

Утромъ другаго дня, въ то время, какъ Его Высочество осматривалъ горные заводы, у меня на квартирѣ пѣлись Русскія былины старымъ слѣпцомъ Кузьмою Ивановымъ Романовымъ *).

Я давно ждалъ случая услыхать пѣвца былинъ. Пѣвцовъ этихъ теперь пѣть въ Петрозаводскѣ и окружныхъ деревняхъ. Съ открытіемъ весны нѣкоторые изъ нихъ пріѣзжаютъ въ Петрозаводскъ по своимъ дѣламъ на соймахъ изъ за Онежья. Кузьма Ивановъ прибылъ въ Петрозаводскъ наканунѣ по своему дѣлу: ему слѣдовало получить изъ Думы шесть рублей. Онъ немедленно отправился къ своему знакомому и покровителю Рыбникову, а этотъ послѣдній привезъ Кузьму ко мнѣ. Г. Рыбниковъ умѣючи отрекомендовалъ меня недовѣрчивому

*) Пѣвецъ этотъ или, по мѣстному выраженію, сказитель знакомъ любителямъ нашей народной поэзіи по Сборнику Рыбникова.

старику, какъ своего пріятеля. Старикъ затвердилъ мое имя и отчество. Рыбниковъ передалъ мнѣ тотъ способъ, которымъ можно заставить Кузьму пѣть ту или другую былину, и вскорѣ уѣхалъ. Слѣпецъ былъ оставленъ на мое попеченіе; онъ въ тотъ же день вечеромъ долженъ былъ ѣхать во Спояси. Кузьма обѣдалъ у меня, пѣлъ былину за былиной, отдыхалъ у меня, какъ вдругъ мнѣ пришла въ голову мысль подѣлиться рѣдкимъ впечатлѣніемъ съ нашимъ привѣтливымъ, дорогимъ гостемъ и просвѣщеннымъ графомъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгоновымъ, съ которымъ утромъ того дня я много и долго бесѣдовалъ, и рѣчь, между прочимъ, касалась Онежскихъ былинъ.

Но скажу о былинахъ, какъ ихъ поютъ сказители. Впечатлѣніе этого пѣнія слишкомъ цѣлостно, вполнѣ передать его трудно. Рельефно выливаются слова—живые образы природы и вѣковой старины; голосъ приспособленъ къ содержанію, ощутительна каждая запятая. Вольга, Горе-злощастіе, Молодецъ безчастный, Добрыня, различно дѣйствовали на меня, то умиляя святою безъискуственностію, художественной простотою дикціи, то поражая произношеніемъ твердымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ музыкальнымъ, при чемъ и самыя красоты языка много выигрываютъ. Повѣяло какою-то невѣдомою намъ стариною, но на старину эту былъ отзывъ въ душѣ. Пѣніе это было и ново, и вмѣстѣ съ тѣмъ близко сердцу, какъ родное.

Я отправился къ графу Строгонову и высказалъ ему желаніе подѣлиться съ нимъ тѣмъ хорошимъ впечатлѣніемъ, которое я самъ впервыя испыталъ сегодня. Когда я бесѣдовалъ съ графомъ, было слишкомъ шесть часовъ: оставалось менѣе часу до поѣздки Наслѣдника въ Соломино*). Графъ предложилъ взять старика на пароходъ; я былъ приглашенъ въ число гостей. Надо замѣтить, что старикъ не остался у меня на квартирѣ: онъ боялся, чтобы сойма безъ него не уѣхала. Я передъ тѣмъ, какъ заѣхалъ къ графу Строгонову, доставилъ старика на пристань, при чемъ попросилъ хозяина соймы обождать, на что крестьянинъ неохотно соглашался, такъ какъ дулъ попутный вѣтеръ. Возвращаю отъ графа Строгонова на пристань—нѣтъ моего старика! Я бы долго проискалъ его, если бы мнѣ не помогъ хозяинъ моей квартиры, который тутъ случился. Мы нашли старика въ лавкѣ: онъ покупалъ варешки. Я повезъ его вдоль при-

*) На противуположномъ Петрозаводску берегу широкой Онежской бухты, въ 12-ти верстахъ отъ города, при проливѣ Соломе, находится гранитная скала, на ней церковь. Скала эта была цѣлью прогулки.

стали къ самому пароходу. На ожидавшемъ Наслѣдника пароходѣ (какъ узналъ я послѣ) были очень удивлены этимъ появленіемъ старика; въ особенности дивились тому, что на него не надѣли суконнаго кафтана, что взяли его, какъ былъ: въ сермягѣ, лаптяхъ и дырявой шляпенкѣ. Но въ этомъ костюмѣ онъ былъ несравненно типичнѣе, какъ и срисовалъ его Боголюбовъ. Наслѣдникъ прибылъ черезъ нѣсколько минутъ съ графомъ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгоновымъ. Пароходъ отчаливаетъ, графъ говоритъ со мной, вдругъ подходитъ Великій Князь къ намъ.

«Я очень радъ съ вами познакомиться, сказалъ онъ мнѣ. Мы, надѣюсь, будемъ встрѣчаться», вотъ дословно его привѣтствіе. Подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, я въ туже ночь записалъ въ дневникѣ своемъ почти слово въ слово все, что̀ говорилъ Наслѣдникъ.

«Мнѣ губернаторъ говорилъ о васъ, я слышалъ въ гимназіи фамилію вашу, но не успѣлъ съ вами поговорить. Какъ вы сюда попали? Развѣ не можете жить въ Петербургѣ?»

И послѣ моихъ рѣчей Николай Александровичъ продолжалъ: «Мы съ вами соученики; мнѣ говорилъ Сергѣй Григорьевичъ, что вы слушали Ѳедора Ивановича Буслаева».

Потомъ Наслѣдникъ спрашивалъ меня о томъ, какъ учителя относятся къ ученикамъ, предполагалъ скуку Петрозаводска, спрашивалъ, достаточно-ли учительское жалованье. Всѣ мои отвѣты Цесаревичъ выслушивалъ со вниманіемъ, и вопросы его возникали въ связи съ отвѣтами. За тѣмъ разговоръ перешелъ на окончившихъ курсъ въ нашей гимназіи. Наслѣдникъ спрашивалъ о тѣхъ молодыхъ людяхъ, на которыхъ онъ обратилъ вниманіе при раздачѣ атестатовъ и наградъ, особенно поинтересовался узнать, куда поступятъ получившіе атестаты два брата Полѣновы, какія у каждаго изъ нихъ способности. (Случилось такъ, что въ концѣ этого года я былъ женихомъ сестры этихъ молодыхъ людей, о которыхъ говорилъ со мною Наслѣдникъ). Потомъ Цесаревичъ спрашивалъ меня о моей матери, гдѣ живетъ она. Вслѣдъ за тѣмъ я сказалъ Его Высочеству, что зналъ, кромѣ Буслаева, еще одного его преподавателя Курьяра. Въ отвѣтъ на это Наслѣдникъ объявилъ мнѣ о смерти Курьяра и спросилъ меня, гдѣ я встрѣчался съ Курьяромъ и когда я сказалъ, что у NN, Наслѣдникъ спросилъ меня, кого я еще встрѣчалъ въ домѣ этой извѣстной ему особы. Потомъ Цесаревичъ спросилъ, встрѣчалъ ли я его самого гдѣ либо; я отвѣчалъ, что одинъ разъ въ жизни до Петрозаводска видѣлъ

я Его Высочество на дворцовой набережной въ самый день объявленія манифеста 1861 г. Цесаревичъ увлекся воспоминаніемъ объ этомъ времени. «Да, это было хорошее время, сказалъ онъ, и потомъ прибавилъ: «и нынѣшній годъ много хорошаго сдѣлано».

Онъ пошелъ на другую сторону палубы, гдѣ сидѣли дамы. Мнѣ снова довелось бесѣдовать съ графомъ Строгановымъ, который, замѣтивъ, что мы подъѣзжаемъ, пригласилъ Великаго Князя на возвышеніе, устроенное среди палубы. Народъ кричалъ «ура»; на верху скалы звонила небольшая Соломенская колокольня; на паперти ожидалъ священникъ съ крестомъ и святою водою; изъ церкви вынесли ветхія хоругви. По скалѣ деревянная лѣстница вела къ палаткѣ, лѣстница была усыпана травой и цвѣтами, крестьянскія дѣвушки бросали подъ ноги Цесаревичу букеты; вокругъ скалы и по скалѣ пестрѣли кучки народу. Когда, приложившись ко кресту и обозрѣвъ старинныя вещи (поясъ, вышитый царевною Софьею Алексѣевною), Великій Князь вернулся въ палатку, Кузьма Романовъ былъ уже въ ней, и я стоялъ подлѣ него. Нужно было объяснить слѣпцу, что передъ нимъ Наслѣдникъ

— Кузьма Ивановичъ, сказалъ я, ты пѣль нынче про царевича Ивана Ивановича и Ѳедора Ивановича?

— Пѣлъ, отвѣчалъ онъ.

— Ну, вотъ передъ тобой стоитъ такой же Царевичъ, самъ Наслѣдникъ, Николай Александровичъ.—Дряхлый слѣпецъ проговорилъ оробѣлымъ голосомъ: батюшка! По лицу Наслѣдника видно было, какъ онъ былъ заинтересованъ старикомъ; онъ съ удовольствіемъ дозволилъ усадить старика и пригласилъ меня сѣсть, самъ сѣлъ, придвинувъ стулъ близко къ нимъ. Я ободрилъ старика, такъ какъ зналъ манеру говорить съ нимъ, и тотчасъ же навелъ его пѣть былину о Вольгѣ Буслаевичѣ:

Закатилось красное солнышко
За горушки высокія, за моря за широкія,
Разсаждалися звѣзды частыи по свѣтлу небу,
Порождался Вольга сударь Буслаевичъ
На матушки на святой Руси.
Пошелъ Вольга сударь Буслаевичъ по сырой земли:
Мать сыра земля сколыбалася,
И звѣри въ лѣсахъ разбѣжалися,
И птицы по подобіячью разлеталися,
И рыбы по синю морю-морю разметалися, и т. д.

Содержаніе былины такое: хитрый, мудрый Вольга, обучившійся всякимъ хитростямъ и мудростямъ, всякимъ языкамъ человѣческимъ,

набралъ дружину добрую, хоробрую и набравши, пошелъ походомъ на Турецъ-землю. Главный интересъ былины — это превращеніе Вольги въ различныхъ птицъ и звѣрей. Разговоръ Турецкой царицы Панталовны съ мужемъ передается Кузьмою такъ живо и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ наивно, что, слушая, нельзя не улыбаться. Старикъ пѣлъ, какъ всегда, иногда среди пѣсни простодушно смѣялся. Николай Александровичъ весь отдался новому для него впечатлѣнію, дѣлился со мной взглядами, жестами, говорилъ со мной о былинахъ, потомъ вскочилъ со стула и, обратясь къ графу Сергѣю Григорьевичу, сказалъ, что непремѣнно надо будетъ написать объ этомъ Ѳедору Ивановичу (Буслаеву). Потомъ говорилъ, что напишетъ объ этомъ «Матушкѣ».

За первой былиной слѣдовала другая о Добрынѣ Никитичѣ.

Порасплачется Добрыня, порастужится
Передъ своей государыней-матушкой.

Третья былина была о добромъ молодцѣ и женѣ неудачливой, поразительная по оригинальности напѣва. Между былинами мнѣ пришлось сообщить Цесаревичу мѣстныя свѣдѣнія о былинѣ въ Заонежскомъ краѣ, которыя я получилъ отъ П. Н. Рыбникова. Великій Князь подробно разспрашивалъ о сказителяхъ и заинтересовался разсказомъ объ Ильѣ Елустафьевѣ, давно умершемъ, знаменитомъ на все Заонежье сказителѣ, отъ котораго заимствовалъ Кузьма Романовъ и другіе его современники-пѣвцы свое искусство. Разговоръ перешелъ на самый напѣвъ, на содержаніе и историческое значеніе былинъ. По разговору этому было видно, что Наслѣдникъ знакомъ съ нашей народной поэзіей; онъ вспомнилъ богатырей, представителей сословій, вспомнилъ, что у Алеши Поповича «глаза завидущіе, руки загребущія». Въ былинѣ о Вольгѣ онъ обратилъ вниманіе на слѣдующее мѣсто:

Ловите рыбу семужину и бѣлужину,
Щученьку и плотиченьку,
И дорогую рыбу осетрину.

Онъ оживленно улыбался, передавая мнѣ свое впечатлѣніе (въ Добрынѣ) при словахъ:

Ахъ, вы дѣвицы, красавицы,
Бѣломойницы, портомойницы.

Въ «Добромъ молодцѣ» онъ дѣтски улыбнулся при выраженіи:

Королевна душка Апшушка.

И замѣтно было, что улыбку его возбудило сопоставленіе слова Аннушка со словомъ королевна. Послѣ этой былины Наслѣдникъ спрашивалъ меня, знаетъ ли Кузьма былину о томъ, какъ «богатыри переселись на Русь», и съ увлеченіемъ говорилъ о значеніи этой былины. Тогда Наслѣдникъ сталъ спрашивать слѣпца, не зналъ ли онъ, отчего переселись богатыри на Русь? Кузьма отвѣчалъ, что они не переселись, но только не показываются.

— Гдѣ же они находятся?

— Да поди знай гдѣ! отвѣчалъ наивный старикъ.

— Да отчего же они не показываются? продолжалъ спрашивать Наслѣдникъ.

— Потрава огненная потла, оттого имъ и быть нельзя.

— Mais pourtant c'est une explication *), обратился ко мнѣ Цесаревичъ, довольный отвѣтомъ старика. И дѣйствительно отвѣтъ замѣчательный: огнестрѣльное оружіе уничтожило значеніе могучихъ плечъ богатырскихъ.

Потомъ рѣчь перешла на Павла Николаевича Рыбникова, собравшаго эпическія пѣсни Прионежскаго края. Цесаревичъ разспрашивалъ о немъ и объ его сборникѣ. Въ палаткѣ было очень небольшое общество (кромѣ свиты Его Высочества всего 9 человѣкъ, включая хозяина и хозяйку), что сообщало нашей бесѣдѣ какой-то интимный, безцеремонный характеръ. Вечеръ былъ такой теплый, хорошій. Послѣ пѣнія былинъ раздалась на водѣ Русская пѣсня; пестрыя толпы парней дѣвушекъ разъѣзжали по озеру въ лодкахъ; на плотахъ горѣли огни. Послѣ чаю Наслѣдникъ отправился съ губернаторомъ и нѣкоторыми другими лицами въ лодкѣ на противуположный берегъ, къ березкамъ закидывать рыбную тоню. Возвратилась лодка.

«Поймали рыбъ, да только мелкихъ», сказалъ, слегка улыбаясь своей симпатичной, отроческой улыбкой Наслѣдникъ. Какъ теперь вижу его въ военномъ пальто на красной подкладкѣ, въ высокомъ бѣломъ жилетѣ съ башлыкомъ на плечахъ. Войдя въ палатку, Цесаревичъ снова обратился къ Кузьмѣ съ разспросами о Петрѣ Великомъ. Кузьма разсказалъ ему, въ отвѣтъ на это, былину о разграбленіи Румянцовскихъ монастырей. Въ отсутствіе Наслѣдника, Кузьма, съ которымъ графъ С. Г. Строгоновъ разговорился о религіи, спѣлъ стихъ о пустынѣ прекрасной. По возвращеніи Его Высочества, графъ, заинтересованный Онежскимъ расколомъ, продолжалъ разговоръ съ Кузьмой. Одинъ отвѣтъ Кузьмы поразилъ эпическою свѣжестью.

*) Все же тутъ объясненіе.

— А въ церковь ты ходишь? спрашивалъ графъ.

— Молюсь за князей, за бояръ, за царски за сѣмена, уклончиво отвѣчалъ старикъ.

Трудно пересказать каждое слово живой бесѣды. Когда рѣчь коснулась того, что Добрыня—представитель боярскаго сословія, Цесаревичъ прибавилъ, обращаясь ко мнѣ: «и самаго лучшаго сословія». Впрочемъ изъ переданнаго мною выше разговора видно, какъ онъ былъ полонъ вниманія къ человѣку. Онъ старался, чтобы всѣмъ было по себѣ при немъ.

Наконецъ пароходъ отчалилъ отъ Соломина. Весь обратный путь Наслѣдникъ бесѣдовалъ съ дамами. На другой день Цесаревичъ ѣздилъ на Кивачъ, тамъ много и долго любовался на водопадъ, и только вечеромъ того же дня простился съ Петрозаводскомъ. Мнѣ не удалось проститься съ нимъ. Я пошелъ на пароходъ вручить графу Строганову экземпляръ сборника Рыбникова....

Черезъ два мѣсяца я былъ обрадованъ письмомъ моей матери, которая сообщила, что Цесаревичъ вспомнилъ обо мнѣ въ Курскѣ.

И. Хрущовъ.